

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Как все началось. Выдержки из дневника

Я боялась того, что он уйдет от меня, этот страх стал навязчивым. Почему-то мне стало казаться, что мир сузился до него одного, что мое дальнейшее существование связано, только с ним. За такими мыслями таится смерть, но я плохо понимала это. Во многом я отрекалась от себя, от своей личности, даже своих ценностей, своего тела. Это самоотречение было опасным, если жертва будет не принята, придется быть уничтоженной. И возрожденной в новом душевном виде или же не возрожденной...

Но тогда мне хотелось быть просто вещью ему принадлежащей; незначительной как носовой платок, цепко сидящей на его теле как браслет часов. Что говорить, я готова была унижаться ради него, и я вдруг поймала себя на мысли, что мне это нравится. Я возомнила себя вставшей на путь святости, отречения от себя ради того кого любишь. Это была ловушка.

Его настроение было очень изменчиво, резкость сменялась жалобами, он походил на маленького мальчика и имел совершенно детскую привычку не чашку подносить ко рту, а наоборот, нагнувшись, он касался ее губами. Мне нравились такие моменты, но потом это вдруг сменялось холодом и отчужденностью. Я паниковала, искала причину в себе и, как правило, находила. Я была или навязчива или нерасторопна, или попросту глупа. Он объяснял мне это, отрывисто бросая обвинения — мне было страшно, от мысли о той боли, которую я доставляла ему.

Мы вместе снимали квартиру у его знакомого. Это была однокомнатная квартира, каких так много в русских городах, что, кажется, они могут служить нечто универсальным — жилище человека 21 века. Диван, телевизор, балкон, вечно завешенный бельем, не хочется перечислять симптомы этой унылой обстановки. Я вернулась с работы, а он собирал вещи. Это так больно ударило меня, я пыталась его остановить, выяснить причину. Но отвечал, что ему все надоело.

— Что именно? — я уже плакала, хотя знала, что этого нельзя делать.

— Ну, все... — он пожал плечами, явно загораясь от меня такими неопределенными ответами.

— Что все?! Ты можешь сказать?

— Ну, вообще все, я ухожу. — Он ходил по комнате, держа один носок в руке и разыскивая второй. Почему то, этот дурацкий носок дал мне повод думать, что это демонстрация, что ему нужно от меня что-то другое. Мысль промелькнула и исчезла, истерика от того что он уйдет, сметала все разумные доводы. Я уже рыдала во всю, скорчившись в углу нашего старого дивана. Мне не было обидно за незаслуженные обвинения, меня просто убивало бессилие, невозможность остановить процесс.

— Что я могу сделать, чтобы ты остался? Что?! — я кричала.

— Не ори, соседи слышат.

— Что? — я вдруг заметила, что руки мои черны от разводов туши

— Ты не сделаешь это.

— Что это? Говори, я сделаю.

— Неет, эт-то вряд ли... сказал он, растягивая слова. Он всегда делал так, когда волновался и хотел высказаться по важному вопросу.

Я была так растоптана, совершенно не понимала, как на мое полное самоотречение можно

было выкинуть как пустячную жертву.

— Что мне сделать?! — выкрикнула я.

— Сергея помнишь?

— Да.

Я знала его, это был хозяин этой квартиры. Он запомнился мне тем, что я поймала его осторожный взгляд на себе, на своей фигуре. И еще у него были красивые руки, без обычной для мужчин волосатости, ровные по цвету и с очень красивым рисунком жил. Почему-то мне это запомнилось. Больше ничего.

— Он хочет трахнуть тебя.

— И что?

— Пусть он это сделает. — Он сказал это как-то нарочито развязано, вращая в воздухе одинокий носок. Сказав это, он сделал паузу, пристально наблюдая за моей реакцией.

Я сначала захлебнулась от ярости, уже хотела ударить его. Но что-то подсказало мне действовать иначе, этот всплеск злости, вдруг сменился спокойствием.

— Хорошо, зови — помолчав, ответила я.

Почему-то мне показалось, что мой отказ, возмущение приведут к окончательному разрыву, а тут я смогу ему что-то доказать, показать, что формальная покорность ни к чему не ведет, внутренне, душевно я буду верна ему.

— Значит я зову его? — он усмехнулся, но сомнение появилось в его голосе

Я подошла к окну. Какая-то женщина выгуливала сразу пять собак, четыре шли веером на поводках, а пятая бежала во главе этой компании. «Как все не перепутается?» — подумала я.

— Зови, раз у тебя есть такое желание — я сказала это как можно холоднее, подчеркивая его, а не мою волю.

— Точно?

— Нет, ты можешь передумать — я усмехнулась

— Нет, но не передумаешь?

— Нет.

Собаки увидели кошку и перепутали поводки, женщина стала ругаться на них.дополнение, но бойся тех, для которых это цель. Женщины, играющие на мужском поле беспощадны... Ладно, я не хочу выступать в роли ученой Совы.

Возникло предложение выпить, я решила, что это лучшее средства от этой тягостной философии. Я демонстративно не участвовала в процессе приготовления закуски, хотя и была хозяйкой в доме. «Пусть сами разбираются» — зло решила я.

Алкоголь в небольших дозах сближает людей и вообще имеет кучу положительных эффектов вопрос только в том, что то, как он действует в самом начале улучшить никак уже нельзя, только ухудшить. Стало немного проще друг с другом. Мы перешли в комнату.

— Я посижу в кухне... Йоко, ты все помнишь?

Я кивнула и опять посмотрела в спасительное окно, мне оно казалось окном не просто на улицу, а в мир свободы, здесь же связанной собственными обязательствами мне было страшновато.

Оставшись наедине с тем кого, привели со мной спариваться, я совсем зажалась и выпила еще, просто чтобы, что начало происходить, уж лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

— Ну, что сидишь, давай — я кинула ему эти слова через плечо, не оборачиваясь.

Он потянул меня, к себе молча и необратимо. Попытки целовать я отсекала сразу, в остальном предоставляя ему свободу, но, не проявляя ни тени инициативы. Он лапал меня, задрал юбку, моя пассивность его особенно не давала развернуться. На это у меня и был расчет.

Но постепенно он становился грубее и настойчивее вдруг, чего я совсем не ожидала, словно электрический ток пробежал где-то внутри меня, будто что-то включилось без моего желания. С того времени как он сделал это шокирующее предложение я размышляла — зачем ему это надо? Видимо ему требовалось чужое подтверждение моей привлекательности, что и других мужчин трогают волны моей сексуальности. Что он просто не уверен в себе. Но это распространенное явление и редко оно заходит столь далеко. Или же ему требуется унижить меня, что временами я отмечала в его поведении. Хотя он пытался обставить это как простое испытание меня, глаза его блестели слишком особенно, я отметила это, чтобы оставаться бесстрастным судьей.

Я не знала ответов, тогда как обладатель моего тела суетился и пытался продвинуться дальше по пути соития. Меня начало это утомлять и я решила помочь ему, ослабила зажим ног, пустила его туда куда его рука так настойчиво пробиралась и опять приятная дрожь проскользнула внизу живота, я попыталась оттолкнуть уже не его, а удовольствие. Я на секунду закрыла глаза, и от него не ускользнуло это, он нашел место моего удовольствия и уже не оставлял его. Началась моя борьба с наслаждением. Я отталкивала эти сладкие приливы, считала их низостью, подлым предательством, я не должна раскисать в руках неизвестного мне мужика. Он попытался поцеловать меня, но я поджала губы. Тогда он опять вернулся вниз, с поразительным умением он отслеживал, мои реакции и крался к заветной двери, через которую только и можно было взять крепость. Его настойчивость давала свои плоды, я начала уставать от борьбы с собой с ним. И раз уж я решила дать ему с самого начала, то зачем этот спектакль с недоступностью, хотя спектакль — я только выполняю твою порочную волю, не получаю удовольствия, только ради тебя — продолжался.

Он залез уже в трусы, я даже немного раздвинула ноги, пропуская его. Черт, это прямо демон! Он сразу нащупал мои самые нежные места, места, просто превращающие меня в податливую куклу, у которой вместо головы промежность. Этого нельзя было допустить, я старалась соскользнуть с его пальца, но он словно читая мои мысли, возвращался опять. Где он взял этого фавна, мелькнуло у меня в голове, он не произнес ни одного слова, но действовал так умело, так точно сочетая ласку и настойчивость, находя самые трепетные мои места сходу, сразу, хотя обычно на это требуется гораздо больше времени. Словно черт подсказывал ему, моя воля таяла, я слабела, этот похотливый поток тащил меня к неизвестному финалу, меня пугало это.

Когда он стягивал с меня сначала колготки, потом трусы, я хоть и пыталась отвести его руку, но мое движение было столь искусственным, формальным, без капли настойчивости, что он это сразу почувствовал, стал уверенно двигаться к финалу. В его твердости, да и вообще, во всей этой истории было нечто дьявольское, настолько уверенно разыгрывали они свои партии, растворяли без остатка сгустки моей воли к сопротивлению. Но тут произошло нечто человеческое, что несколько изменило мое восприятие его как безупречного сексуального монстра. Я уже раздвинула ноги, пустила его к воротам, и тут он занервничал, уже стоя на подъемном мосту; дело в том, что у меня большие половые губы и нужна определенная ловкость, чтобы войти, и у него не получилось. Тогда я сделала еще один шаг навстречу, сама

взялась за цепи подъема ворот, я помогла ему рукой самым бесстыдным образом. Коснувшись его рукой я почувствовала какой он горячий и упругий, мне захотелось этого напряженного тепла.

Я хотела, чтобы он встретил сухой прием, даже если бы мне было больно, но это было уже далеко не так, мне было понятно, что и он это понимает. Вся это возня с моим уламыванием происходила прямо на столе и теперь, я откинулась назад, сдаваясь окончательно. В этот момент я бросила взгляд на дверь и встретила взглядом с моим возлюбленным. Это охладило меня, я сразу вспомнила все свои планы и настроения, мне казалось, что он еще ничего не понял, что я могу скрыть от него факт своего возбуждения. Он понял, что я его увидела и сел на диван рядом, продолжая следить за моим лицом. Пока я смогла сделать бесстрастным.

В крепостные ворота то врывалась стремительная конница, то чинно входила пехота, и этот умело сменяющийся ритм расшатывал стены моей цитадели, но пока я не сдавалась. Я смотрела на своего парня глазами полными укора. «Ты хотел этого, получи. Видишь, ради тебя я готова на все, на самые унижительные вещи. Мне не может быть хорошо, хорошо мне может быть только с тобой. А сейчас я просто терплю. Ради тебя» — мне хотелось, что так он прочитал мой взгляд.

Мои ноги, я всегда гордилась их длинной, были навесу, и мне стало тяжело их держать так долго, я обхватила их руками. Его положение внутри меня чуть изменилось, он коснулся самой трепетной точки, мне так не хотелось ее выдавать! Я непроизвольно вздрогнула и этот дьявол сразу это почувствовал. Удары тарана в стену, в самое слабое и незащищенное место были и разрушительны и восхитительны! Разрушались мои планы на жизнь, разрушалась я, любовь, становилось понятно, что уже ничего не будет по старому, придется жить как-то иначе. Но и наслаждение сильное настолько, что моя воля, моя способность что-либо воспринимать вокруг были сметены в секунду. Это природная мощь во мне обитающая где-то внутри живота вдруг начала вздуваться, как шар, смесь нестерпимого напряжения и наслаждения окончательно вырвали меня из реальности.

Я закричала, подалась навстречу, чтобы не упустить то что приносило мне фейерверк, и прорвалась какой-то незнакомой мне жидкостью, я словно взорвалась, будто по-мужски кончила на него. Впервые столкнувшись с таким чудом, мне даже показалось, что я описалась. Он ответил мне своим «взрывом». Цитадель была взята и камни раскиданы.

Что мне оставалось делать дальше? Моя жизнь изменилась в один момент. Я была отвратительна, мне было стыдно и противно. Оставалось встать и уйти. Я проиграла все, что только было можно, мне казалось, что это понимают все. Надо отдать им должное, они не проронили ни слова пока я одевалась. Мне не хотелось ни оставаться ни одной секунды, даже не пошла в ванную, покинуть и свидетелей и место своего позора. Покидав в сумку свои вещи, я ушла не попрощавшись и не поднимая глаз.

На улице мне стало чуть легче, там были люди не знавшие моей тайны, светило солнце, мокрый асфальт лоснился после дождя, внутри меня тоже было все мокро. Мне было страшно и одиноко, на руинах моей жизни, казалось, что за секунды удовольствия я заплатила очень дорого. Но что-то мне говорило, что это не совсем так, я добралась до таких наслаждений, с которыми я пока не знала, что делать, но именно они будут отталкивать страх смерти преследующий меня.